

**Троянди й виноград:
феномени естетичного і прагматичного в літературі та культурі**

Філософія життя в художній картині оповідання “Життя в простому обчисленні” постає крізь призму світобачення кількох персонажів, що уможлиблює бачення проблеми з різних ракурсів. Питання суті людського існування загострюють розуміння того, що життя не можна обчислити, прорахувати, а метафоричні образи художнього світу унаочнюють міркування персонажів.

Література

1. Бонев П. Життя в простому обчисленні. Оповідання. Всесвіт, 1995. № 10-11. С. 189–192.

Оноприенко А. Д.,
аспірант,

Херсонський державний університет

**ТОСКА ПО ИДЕАЛУ В СТИХОТВОРЕНИИ Ш. БОДЛЕРА
“С ЕВРЕЙКОЙ БЕШЕНОЙ ПРОСТЕРТЫЙ НА ПОСТЕЛИ...”
 (“UNE NUIT QUE J’ÉTAIS PRÈS D’UNE AFFREUSE JUIVE...”)**

Тоска по идеалу как неотъемлемая часть символистской доминанты “ennui” в лирике Ш. Бодлера нашла свое воплощение, в первую очередь, в цикле “Сплин и идеал” сборника стихотворений “Цветы зла”. Цель доклада – проследить реализацию мотива тоски на материале сонета Ш. Бодлера “С еврейкой бешеной простерты на постели...” (“Une nuit que j’étais près d’une affreuse Juive...”) и его русскоязычного перевода. Произведение еще не становилось предметом литературоведческого анализа.

Исследователи неоднократно отмечали двойственность мировосприятия Ш. Бодлера, которого привлекала как тема несовершенства человека и окружающей его жизни, так и поиск возможности вырваться из этой жизни, достичь недостижимого, прекрасного [2]. Эта мысль рельефно проявлена в зачине сонета Ш. Бодлера “С еврейкой бешеной простерты на постели...”. “Une nuit que j’étais près d’une affreuse Juive, / Comme au long d’un cadavre un cadavre étendu, / Je me pris à songer près de ce corps vendu / A la triste beauté dont mon désir se prive” [4]. В переводе В. Левика звучит так: “С еврейкой бешеной простерты на постели, / Как подле трупа труп, я в душной темноте / Проснулся, и к твоей печальной красоте / От этой – купленной – желанья полетели” [1, 56]. Здесь видим как отголосок романтического двоемирия, так и кризисное ощущение разрыва между желаемым и действительным, реальностью и грезой. В этих строках также выражено “декадентское” восприятие образа женщины – “осознание сатанической извращенной природы любви, презрительное отношение к женщине и в то же время невозможность обойтись без нее” [5, 136]. Здесь же сосуществуют “два мира: реальный и сверхреальный – тот, в котором явления окружающего мира преобразены сознанием поэта” [3]. Первому миру (реальному) и посвящен первый катрен сонета.

Интересно, что в переводе через использование эпитета “бешеная” усилен мотив плотского, животного начала. В оригинале употребляется слово “affreuse” – “ужасная”. Более того, земная женщина не является личностью, она “corpsvendu” (“проданное тело”). Усилено и ощущение безысходности, появляется оборот “душная темнота” – некое внутреннее ощущение, от которого лирический герой пытается сбежать в сверхреальный мир поэтического воображения: “Je me représentai sa majesté native, / Son regard de vigueur et de grâces armé, / Se scheveux qui lui font un casque parfumé, / Et dont le souvenir pour l’amour me ravive” [4]. Во втором катрене происходит символический переход от обыденного к ирреальному – “majesté” – величие прекрасной дамы не принадлежит миру реальному, а является трансформацией и переосмыслением образа,

Троянди й виноград: феномени естетичного і прагматичного в літературі та культурі

живущего в мире грёз лирического героя: “Я стал воображать – без умысла, без цели, – / Как взор твой строг и чист, как величава ты, / Как пахнут волосы, и терпкие мечты, / Казалось, оживить любовь мою хотели” [1, 56]. И этот образ постепенно замещает собой реальность, становясь элементом бодлеровского эскапизма.

В следующем терцете замещение реального образа иллюзорным достигает эмоционального апогея: “*Car j’eusse avec ferveur baisé ton noble corps, / Et depuis tes pieds frais jusqu’à tes noires tresses / Déroulé le trésor des profondes caresses*” [4], а вместо образа “*corpsvendu*” из первого катрена появляется образ “*noblecorps*”. Снова “тело”, но теперь “благородное”, вызывает у лирического героя то чувство восхищения, страсти и душевного подъема, которое не способно вызвать сравниваемое с мертвецом (“*cadavre*”) тело реальной женщины – единственное, физически доступное в реальном мире. Ш. Бодлер, по выражению Г. Косикова, “бравировывает тем, что якобы не ждет от противоположного пола ничего, кроме чувственных удовольствий, втайне всю жизнь мечтал об идеальной любви”, и это предположение в русскоязычном литературоведении легло в основу биографической трактовки этих строк” [1, 333]. Тем не менее, идеализированный образ женщины-мечты, женщины-грёзы соотносится с общей тенденцией символизма, которая впоследствии трансформировалась в мотив вечной женственности. В переводе параллель на уровне поэтической лексики пропадает, но на первый план выходит отсутствующий на лексическом уровне в оригинале мотив “обожествления” идеала: “Я всю, от черных кос до благородных ног, / Тебя любить бы мог, обожествлять бы мог, / Все тело дивное обвить сетями ласки” [1, 56].

Достижение идеала невозможно по определению: “*Si, quelque soir, d’un pleur obtenu sans effort / Tu pouvais seulement, ô reine des cruelles, / Obscurcir la splendeur de tes froides prunelles*” [4]. Полет поэтического воображения обрывается взглядом “*froidesprunelles*” – “холодных зрачков”. В поэтическом переводе В. Левика через оппозицию живое / неживое акцентированы черты “неживого”: “Когда бы ввечеру, в какой-то грустный час, / Невольная слеза нарушила хоть раз / Безжалостный покой великолепной маски” [1, 56]. Не только взгляд – весь облик идеальной женщины представляет собой “великолепную маску”, за которую не в силах проникнуть даже воображение поэта. Идеал остается недостижимым, к нему можно лишь стремиться. Попытка побега от “душной темноты” и тоски “мертвого” существования завершается безрезультатно.

Таким образом, мотив тоски по идеалу в сонете Ш. Бодлера “С еврейкой бешеной простертый на постели...” (“*Une nuit que j’étais près d’une affreuse Juive...*”) является одним из вариантов доминанты “*ennuievivre*” и связан с мотивным комплексом эскапизма. В тексте сонета исследуемый мотив реализуется через амбивалентный образ женщины, раскрывающийся в аспекте символистского двоemiрия.

Литература

1. Бодлер Ш. Цветы зла / под ред. Н. И. Балашова. М.: Наука, 1970. 480 с.
2. Косиков Г. Шарль Бодлер между “восторгом жизни” и “ужасом жизни” / Ш. Бодлер. Цветы зла. Стихотворения в прозе. Дневники. Жан-Поль Сартр. Бодлер / сост., вст. ст. и коммент. Г. К. Косикова. М.: Высшая школа, 1993. С. 5–40. URL: <http://tzone.kulichki.com/anomal/hud/bodler/bodler2.html>.
3. Фонова Е. Г. Восприятие Ш. Бодлера во Франции, Бельгии и России в эпоху символизма: дис. ... канд. филол. наук: спец. 10.01.03. Москва, 2009. 278 с. URL: <http://www.dissercat.com/content/vospriyatie-sh-bodlera-vo-frantsii-belgii-i-rossii-v-epokhu-simvolizma>.
4. Baudelaire Ch. Les Fleurs du Mal. URL: <http://www.gutenberg.org/files/6099/6099-h/6099-h.htm>.
5. Pierrot J. The decadent imagination, 1880-1900. Chicago: Univ. of Chicago press, 1981. 309 p.